

Полина Аляксина

«Как можно заочно преподавать искусство, которое надо видеть?» Опыт организации заочного художественного образования при ГАХН

Статья посвящена одному из эпизодов просветительской деятельности Государственной академии художественных наук (ГАХН) — организации при академии заочных курсов для работников искусств. Этот проект отразил стремления ГАХН завоевать и сохранить авторитет в культурной жизни советской России в условиях нарастающего идеологического давления и, несмотря на компромиссный характер, оказался оригинальным экспериментом в области художественного образования. В статье проанализированы методологические и организационные аспекты работы курсов и их влияние на последующие образовательные инициативы государственных институтов искусства.

Ключевые слова:

ГАХН, А. Сидоров, М. Фабрикант,
заочные курсы, художественное образование.

Деятельность Российской академии художественных наук (РАХН, с 1924 — ГАХН) в первую очередь ассоциируется с разработкой новой, синтетической науки об искусстве, объединившей гуманитарные исследования с художественными экспериментами авангарда. Менее примечательной, но не менее важной задачей академии было распространение знаний об искусстве среди широкой публики. Просветительская деятельность ГАХН была многогранной, но в современной литературе ее рассматривают преимущественно через призму выставок, а вклад Академии в художественное образование остается практически не исследованным¹. Отчасти это невнимание вызвано тем, что ГАХН не была классическим образовательным учреждением — как и многие другие научные институты 1920-х, она была лишена права открывать при себе учебные заведения и располагала лишь штатом аспирантов. Вопросы теории художественной педагогики неоднократно обсуждались на заседаниях секций, а с 1925 года их изучение было поручено специально созданной Комиссии по художественному воспитанию [6], но практическую работу академии в области образования можно назвать, скорее, эпизодической. Помимо выставок проводились публичные лекции, концерты и культурные вечера. Однако в истории ГАХН известна по крайней мере одна попытка организовать систематическое обучение относительно широкой аудитории студентов — речь идет о создании при академии заочных курсов для работников искусств.

О фактической работе заочных курсов при ГАХН известно немного. История создания художественной консультации² и ее ликвидации могут быть частично восстановлены благодаря внутренней документации академии — докладным запискам, проектам, сметам и стенограммам

1 Исключение составляют исследования М. Гусельцевой, Н. Фоминой и Ю. Якименко [6; 16; 17; 23]. Массовое распространение знаний об искусстве было задачей Научно-показательной части академии, свидетельства о работе которой можно найти в периодике ГАХН [3].

заседаний, хранящимся в фондах РГАЛИ [8; 9]. Обстоятельства, лежащие за пределами официального открытия курсов и окончания их деятельности, остаются предметом гипотез. Документы, сопровождавшие повседневную работу Отдела распространения художественных знаний на протяжении трех лет — текущие финансовые отчеты, личные карточки студентов, их работы и письма консультантов, — скорее всего, были утрачены во время передачи курсов в ведение Коммунистической академии в 1930 году. Содержание курсов можно восстановить лишь по поздним официальным программам-проспектам, опубликованным в 1929 году [4; 10; 11], а также по рецензиям на эти программы [10].

Достоверно известно, что заочная консультация² была организована в 1927 году в качестве Отдела распространения художественных знаний³ и закрыта спустя три года работы в январе 1930-го. Исследователи считают этот период истории ГАХН переломным: именно во второй половине 1920-х нападки на научную и издательскую работу академии стали систематическими, а ее отделы начали освобождать от поручений «идеологического характера» [20, с. 294]. Примерно в этот же период массовое художественное просвещение стало предметом пристального внимания партийного руководства. Разворачиваясь в сложной политической обстановке, история заочных курсов была полна противоречий. Несмотря на заметное недоверие к ГАХН со стороны советской власти, курсы продолжали развиваться вопреки нарастающим ограничениям. Сама идея заочного обучения искусству была парадоксальна и по прагматике, и по содержанию, но она была поддержана изнутри академии и за ее пределами. Анализ обстоятельств, в которых появление заочных курсов стало возможным, позволяет увидеть, как массовое образование

2 В 1920–1930-е годы функции разовой письменной консультации и заочного курсового образования часто совмещались в рамках одной институции. Хотя обучение при ГАХН было систематическим, в документах заочные курсы называли «заочной консультацией», «заочным институтом», «распространительным отделом» (по аналогии с отделениями американских университетов), и даже «комитетом по руководству заочным обучением». В настоящей статье эти понятия используются в качестве синонимов.

3 Название отдела отсылало к общепринятому обозначению заочных департаментов американских научно-образовательных учреждений — «распространительные отделы». Применительно к советским проектам это название практически не использовалось ранее (объяснение этимологии и примеры названий см., например, в издании «Самообразование за границей» [13]). Учебные издания Отдела, согласно проекту Б. Компанейского, должны были быть разработаны «по особому плану применительно к методике заочного обучения, принятой в Соединенных Штатах Северной Америки» [9, л. 10 об.].

использовалось ГАХН для адаптации к требованиям актуальной политики. Он также показывает, как экспериментальный, утопический и крайне непрактичный проект 1920-х был адаптирован советскими институтами 1930-х для решения задач государственного управления культурой.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ МАССОВОЙ АУДИТОРИИ

Первое свидетельство о разработке заочных курсов при ГАХН относится к середине мая 1926 года. Этим временем датируется докладная записка в адрес Президиума академии, содержащая описание основных функций, задач и структуры будущей художественной консультации. Первые строки этого документа звучат так:

Одной из задач Академии [ГАХН], предусмотренной ее уставом, является распространение и популяризация художественных знаний. Задача эта может быть выполнена методом заочного обучения, которым в С.Ш.С.А. обучаются миллионы, а в СССР — десятки тысяч. В СССР по такому методу был построен ВТУЗ [высшее техническое учебное заведение] с параллельными заочными факультетами (по примеру американских университетов) <...> Успех популяризации знаний зависит от степени систематичности, с какою ведется обучение. Самообразование без программ, без книг, без помощи руководителя и без проверки знаний редко имеет успех. Только систематическое образование, только заочная школа может вовлечь широкие круги населения в художественно-просветительную работу [9, л. 1].

Уже это емкое описание дает амбивалентный образ будущих курсов: построенные по примеру заочных отделений технических институтов, они должны были ориентироваться не на подготовку профильных специалистов, а на реализацию массового художественного просвещения. Даже в самом общем виде проект заочной консультации смешивал две формы образовательных практик, противоположные и по масштабу, и по целям, и по принципам управления: профессиональное обучение и идеологическое воспитание. Тем не менее уже осенью 1926 года проект заочной консультации был лично одобрен начальником Главнауки Ф. Петровым и утвержден на заседании Президиума

ГАХН; тогда же положение об Отделе распространения художественных знаний, разработанное ученым секретарем академии А. Сидоровым, было направлено в Главпрофобр. 21 декабря открытие консультации было одобрено замнаркома В. Яковлевой и закреплено в постановлении Президиума Коллегии Наркомпроса. Уже в начале 1927 года к работе приступили первые факультеты заочной консультации [9, л. 27].

Отчасти быстрый успех неоднозначного проекта курсов был связан с беспрецедентным интересом к форме заочного образования в разных структурах советской бюрократии. Если сегодня термин «заочное обучение»⁴ объединяет множество студенческих и педагогических практик, то в середине 1920-х его значение было достаточно конкретным — под ним почти обязательно подразумевалось продолжительное, систематическое курсовое образование, контролируемое преподавателем при помощи переписки. Заочное обучение стало частью образовательной политики РСФСР благодаря заимствованию опыта американских просветительных проектов и вошло в лексикон советской администрации в середине 1920-х как альтернатива относительно свободному, плохо контролируемому самообразованию — коллективным или индивидуальным занятиям при помощи книги в кружках и избах-читальнях. Заимствованная форма обучения была неотделима от логики индустриализации — на западе заочные курсы понимались как форма освоения конкретной профессии и проектировались так, чтобы студент мог как можно быстрее приступить к работе по специальности. Катализатором интереса к заочной форме обучения в России стала конференция по вопросам самообразования, прошедшая в 1925 году. По ее итогам заочные отделения различных профилей стали открываться повсеместно при управлениях и институтах Наркомпроса и ВСНХ [12]. Появление художественных курсов при ГАХН продуктивно рассматривать именно в этом контексте — контексте всеобщего увлечения новыми технологиями в области индустриального самообразования.

Автором проекта художественной консультации при ГАХН был Борис Компанейский, сотрудник Психофизической лаборатории, со-

4 Термин «заочное обучение» использовался в литературе, во всяком случае, начиная с 1900-х годов, но с середины 1920-х его употребление связывается с конкретным типом самостоятельной учебы — систематическим заочным курсовым образованием, ассоциировавшимся в первую очередь с американской и британской образовательной политикой [13].

вмещавший работу в Академии со штатной службой в Главпрофобре. Сегодня известный в основном экспериментальными исследованиями зрительного восприятия [5], Компанейский активно участвовал в разработке системы советского заочного обучения в 1920-е годы: он присутствовал на всех крупных совещаниях по вопросам самообразования, был составителем сборников по общей методике заочного обучения и руководителем кооперативных курсов при Центросоюзе — одного из четырех советских проектов, впервые применивших метод американского заочного курсового образования на практике. Вероятно, хорошо знакомый с ценностями современной образовательной политики, Компанейский подчеркивал в своем проекте именно те аспекты, которые могли найти поддержку со стороны руководства на разных уровнях власти. В первую очередь, он описывал курсы как инструмент партийной политики: с их помощью предлагалось развивать общий художественный вкус населения и преодолевать кадровый дефицит в области культуры. Потенциальный успех консультации при этом гарантировался уже состоявшимся опытом похожих образовательных инициатив в сфере промышленности и общего образования. С другой стороны, заочные курсы должны были принести пользу самой академии — они позволяли популяризировать деятельность ГАХН среди массовой аудитории, то есть решать задачу, прямо предусмотренную ее уставом [2, с. 78]. Дополнением к этому выступала выгодная хозяйственная организация: курсы описывались как самокупаемые, не требующие найма новых сотрудников и даже потенциально прибыльные благодаря распространению крупнотиражных подписных изданий [9, л. 2].

Перечисляя преимущества открытия консультации, Компанейский не останавливался на том, как именно модель специализированного заочного образования будет адаптирована к задачам общего художественного просвещения. Тем не менее охват аудитории описывался им действительно широко — в качестве потенциальных клиентов курсов Компанейский упоминал не только «поэтов, прозаиков, драматургов», но и «корреспондентов, лекторов, ораторов, переводчиков» и даже «клубных работников, инструкторов и кружководов» [9, л. 11 об.]. Заявляя права на обучение специалистов в сфере художественной агитации, академия не только соглашалась с господствующей политикой пролетаризации культуры, но и претендовала на влияние в областях, которые традиционно считались вотчиной учреждений Главполитпросвета —

в сферах непрофессионального художественного творчества, клубной самодеятельности и внешкольного самообразования.

Между тем и в положении об отделе, и в проспектах курсов, и в предлагаемых учебных программах заочное образование при ГАХН позиционировалось как полноценный аналог высшего профессионального образования⁵. Это обстоятельство не только могло поставить под сомнение возможность практической реализации проекта консультации, но и формально противоречило правилу, согласно которому научно-исследовательские институты не могли исполнять образовательные функции⁶. Профессиональное художественное образование, ориентированное на немарксистскую философию искусства и не связанное с производственными специальностями, не только не пользовалось спросом, но и с трудом могло быть преобразовано в заочные курсы, сама форма которых предполагала массовый охват аудитории. Примирение двух этих перспектив — культурного воспитания и специального образования, государственного заказа и частного, корпоративного интереса — было одной из центральных задач художественной консультации, и одной из причин, определивших нестандартное и даже противоречивое содержание программ заочного обучения.

УСТРОЙСТВО ЗАОЧНОЙ КОНСУЛЬТАЦИИ

Проект Отдела распространения художественных знаний изначально предполагал тесную связь заочной консультации с самостоятельными секциями академии. В первую очередь это повлияло на структуру заочных курсов. В течение 1927 года при Отделе было организовано четыре факультета: литературный, музыкально-теоретический, изобразительных искусств и самодеятельного театра. Согласно внутренним отчетам, первым открывшимся и самым востребованным среди слушателей было литературное отделение; факультет изобразительных искусств был вторым по популярности [8, л. 68]. При этом, несмотря

5 Например, описывая литературное отделение (потенциально самое востребованное среди студентов, а потому используемое в качестве образца для других), Компанийский неоднократно упоминал о его связи с учебными планами литературных факультетов Московского и Ленинградского университетов [9, л. 11].

6 Так, в 1924 году ГУС отклонил ходатайство об открытии при академии хореографического вуза, сославшись на то, что она «лишена права иметь при себе учебные заведения» [22, с. 29].

на действительно актуальную и регулярно обсуждаемую в Наркомпросе проблему — нехватку квалифицированных сотрудников в сфере театра и музыки, — соответствующие факультеты ГАХН не были столь же успешны. Судя по сохранившимся документам, для этих направлений не было разработано программ и не планировалось издания специальной учебной литературы⁷.

Система управления консультацией и ее хозяйственная структура создавались по образцу уже существовавших заочных институтов Главпрофобра. Курсы при ГАХН были открыты на хозрасчете и полностью зависели от студенческих взносов: предполагалось, что студенты будут работать поодиночке или в составе небольшого кружка (около 5 человек) и платить за руководство по 1–2 рубля в месяц. Эта сумма частично расходовалась на оплату рецензий, а остаток направлялся на хозяйственное обеспечение курсов (например, на зарплаты секретарю и машинистке), их рекламу и поддержку издательской деятельности. Методическая работа консультантов не оплачивалась [9, л. 1 об.]. В 1927 году Комиссия по заочному обучению (иными словами, совет консультантов) была организована преимущественно из литературоведов, что соответствовало приоритетному направлению обучения. В нее входили П. Сакулин, А. Шнейдер, Н. Пиксанов, Б. Ярхо, Н. Гудзий, Ю. Соколов и М. Петровский. Изначально предполагалось, что обязанности консультантов будут исполнять сами авторы учебных курсов, но с увеличением числа подписчиков к рецензированию работ стали привлекать других сотрудников и аспирантов академии⁸.

Обучение на курсах было организовано по «комбинированному» методу: занятия строились на изучении студентами уже опубликованной научной литературы, комментарием к которой должны были стать специально разработанные вопросники и конспекты, а также самостоятельные учебники ГАХН. Учебные материалы разрабатывались в соответствии с американской методикой заочного образования: они

7 В документах Отдела встречаются упоминания лишь нескольких консультантов: П. Маркова, В. Волькенштейна, В. Филиппова (театральное направление), Б. Жилинского, Шиманского, М. Медведевой, К. Кузнецова (музыкальное направление). Приближительный план работы музыкальной секции впервые обсуждался на ее заседании только в мае 1927 года. Сведения о деятельности театрального факультета фактически ограничиваются списком потенциальных консультантов [8, л. 28–29, 42, 63].

8 Во всяком случае, это было характерно для литературного отделения, консультантами которого в 1929 году были молодые специалисты Л. Шпет, А. Алпатов и Б. Михайловский [8, л. 41].

состояли из предварительных общих замечаний к материалу, основного текста лекции и списка заданий для самостоятельной проработки. Дополнительные разъяснения к заданиям давались по радио. Студенты общались с консультантами в основном по переписке, но зачетные сессии были очными и проводились в Москве в помещениях ГАХН.

Учебные планы всех отделений должны были повторять структуру секций академии. Изучение любого вида искусства предвлялось освоением «принципиальных методологических вопросов художественных наук» [9, л. 9] и продолжалось в одновременном рассмотрении его социальных, физико-психологических и теоретических предпосылок. Общими для всех отделений были курсы по философии и психофизиологии⁹; их дополняли теоретические и практические дисциплины, специфичные для каждого вида искусств. Зимой 1927 года начались занятия по 32 предметам литературного и изобразительного отделений. Сначала дисциплины не были объединены в единую программу, но уже к 1929 году обучение на курсах стало строиться по принципу концентров: в течение каждого установленного срока (например, года или полугодия) подписчики работали над одной проблемой или темой, что позволяло даже отчислившимся студентам до определенной степени внедрять освоенную на курсах «систему понятий и навыков» [4, с. 6] в свою профессиональную практику. В зависимости от соотношения исторических, теоретических и практических курсов концентры объединялись в циклы; предполагалось, что их тематика будет сменяться ежегодно, подстраиваясь под интересы членов академии и отражая наиболее передовые дискуссии, проходившие в ее стенах.

Моделью для заочных отделений по видам искусств должен был стать литературный факультет. Именно на его примере Компанейский описывал общие черты учебных планов и отдельных курсов разных направлений. Принципиальной установкой этого отделения было сочетание теоретического и практического обучения — курсы по теории литературных стилей, положенные в основу программы, должны были прорабатываться параллельно с предметами, направленными на тренировку навыков стихосложения и ораторского мастерства. Другой характерной чертой факультета была ориентация на принципиально

9 Консультантами по общим для всех отделений дисциплинам были выдвинуты Г. Шпет (курс «Введение в эстетику») и В. Экземплярский («Введение в психологию художественного творчества»).

неспециализированную аудиторию — курсы не были связаны с конкретными профессиями и были нацелены на подготовку универсальных служащих в сфере литературы, «работников слова и пера» [9, л. 9]. С точки зрения организаторов и преподавателей факультета, и автор агитгазеты, и драматург государственного театра могли (и даже были должны) обладать одинаковым техническим мастерством и, что не менее важно, одинаковым уровнем профессиональной подготовки — одинаково глубоким знанием законов художественной формы, специфики жанров и стилей, истории искусства.

В той или иной степени характерные для литературного факультета установки стали отправной точкой для построения программ других отделений, хотя и не были восприняты ими буквально. Например, если практическая дисциплина «Живое слово» (иначе — «Техника речи») присутствовала в самых первых проектах литературного факультета, то консультанты музыкального отделения, напротив, ограничивали применение заочного метода областью теоретической подготовки, утверждая, что «лишь анализ можно передать “заочно” в форме обучения, а не практическое овладение музыкальной техникой» [9, л. 64]. Неодинаковым было и мнение о специализации будущих выпускников: в отличие от литературного факультета, театральное и музыкальное отделения проектировали разные программы для работников самодеятельности и для профессионалов в области искусств. Что касается изобразительного отделения, среди его сотрудников не было единого представления об ограничениях заочного метода. Программа факультета строилась на принципах литературного факультета, но следование этой установке неоднократно подвергалось критике. И хотя идеологические и методические разногласия серьезно не повлияли на деятельность консультации, они имели длительные последствия и определили судьбу заочных курсов по изобразительным искусствам в момент их ликвидации.

Курсы для искусствоведов и художников

Факультет пространственных искусств был открыт в первой половине 1927 года. Как и в случае других отделений, его консультантами были назначены сотрудники и члены соответствующих секций ГАХН (Полиграфической и Секции пространственных искусств). В их число входили М. Фабрикант (дисциплины — Введение в изучение изобразительных

1. Алексей Сидоров
Фотография из журнала:
Чудак. 1929. № 14. С. 15

2. Михаил Фабрикант
Фотография. Источник:
Румянцевский музей. Виртуальная
реконструкция. URL: [http://
rumyancev.pushkinmuseum.art/data/
authors/f/fabrikantmi.php](http://rumyancev.pushkinmuseum.art/data/authors/f/fabrikantmi.php)

искусств, Западное искусство), А. Сидоров (Социология изобразительных искусств), В. Блаватский (Античное искусство), Г. Жидков (Древнерусская живопись), А. Греч (Русская живопись XVIII–XIX вв.), А. Некрасов (Допетровская архитектура), В. Згура (Русская архитектура XVIII–XIX вв.) и В. Адарюков (Гравюра и литография). К моменту открытия курсов все упомянутые искусствоведы имели обширный преподавательский опыт, некоторые были авторами популярных лекций об искусстве. Наиболее значимым было присутствие на факультете Сидорова — ученого секретаря ГАХН. (Ил. 1.) Несомненно, что его интерес к работе Отдела распространения был не только педагогическим, но и организационным: именно ему, по мнению исследователей, принадлежала инициатива обращения ГАХН к массовой работе в середине 1920-х; немногим позже он же настаивал на расширении компетенций академии в сфере просвещения¹⁰. Сидоров был назначен консультантом отделения в результате специального заседания Президиума позднее, чем остальные сотрудники и, возможно, по собственной инициативе

[9, с. 41]. Так или иначе, его положение на факультете было особенным: занимая должность ученого секретаря, он был ответственным за рецензирование учебных программ курсов и имел возможность влиять на их содержание.

Несмотря на авторитет Сидорова, составителем программы факультета, опубликованной в 1929 году, был назначен М. Фабрикант — сотрудник Полиграфической секции и действительный член ГАХН. (Ил. 2.) При ликвидации отделения в 1930–1931 годах именно этого ученого обвинят в ошибочном доверии к заочному методу, однако почти очевидно, что программа не была авторским проектом Фабриканта с самого начала. С одной стороны, она стала результатом неудачного синтеза нескольких форм художественного самообразования, с другой — была составлена по шаблону проспекта литературных курсов и во многом являлась переложением его формулировок на материал пространственных искусств. (Ил. 3–5.) Многие из полученных таким способом заключений были очевидно непоследовательны. Например, основой обучения на литературном факультете считалась работа студентов с литературными памятниками «по их оригиналам»; для этого отделение рекомендовало подписчикам «предварительно выяснить, возможно ли изучать художественную литературу в местных библиотеках» [11, с. 7] и только в случае утвердительного ответа подавать заявку на курсы. Проспект изобразительного отделения повторял эту формулировку почти дословно, предупреждая студентов, что обучение на факультете требует регулярной работы с подлинниками и репродукциями в местных картинных галереях и клубах, оборудованных проекционным фонарем и оснащенных диапозитивами. (Ил. 6–7.) В программе была сохранена и рекомендация заранее посетить местную библиотеку, чтобы проверить наличие в ней популярной литературы об искусстве: это требование не учитывало очевидный дефицит подобных изданий даже в Москве и Ленинграде, не говоря о библиотеках регионов РСФСР. Из-за неясного представления о потенциальных студентах программа содержала чрезмерное количество дисциплин — от предмета под названием «Эволюция портрета» до «Клубной изо-работы», «Музееведения»

10 См. описание А. Сидоровым задач ГАХН во второй половине 1930-х: «Углубление работы в данный момент не так существенно, как расширение ее деятельности. Блюдя академическую часть, надо властно заявить права на исследования, на все отрасли художественной деятельности, например, по художественному воспитанию» [22, с. 7].

3–5. Заочное литературное отделение. Цикл теории литературных форм. Проспект. М., 1929
Российская национальная библиотека

и «Техники гравюры». Освоить семь разделов программы, предметы которой были составлены «в объеме высшей школы», заочникам предлагалось всего за 3 года обучения с учетом времени, потраченного на ожидание почтовых отправок. Несмотря на то что Отдел открывался в целях «распространения искусствоведческих знаний в широких кругах» [7, с. 299], очевидно, что его учебные планы были непосильны для действительно широкой аудитории и были нацелены преимущественно на жителей крупных советских городов.

По аналогии с литературным факультетом изобразительное отделение совмещало общие курсы по истории искусства и эстетике с практическими занятиями по технике рисования и живописи. Хотя акцент в программе был сделан именно на теоретическую подготовку специалистов, технические навыки были важнейшим компонентом обучения, и их также предполагалось преподавать по переписке. Практический цикл был обязательным для всех студентов, но программа аргументировала потребность в нем достаточно двусмысленно:

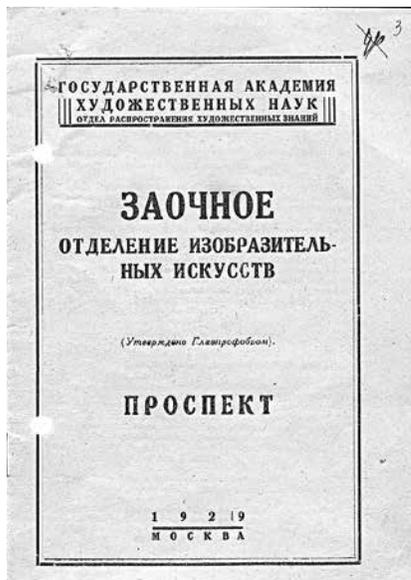

Образец заявления.
Москва, М. Улица Кропоткина, 32.
В ГОСУДАРСТВЕННУЮ АКАДЕМИЮ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК.
Отдел распространения художественных знаний.
Литературное Заочное отделение.
Цикл теории литературных форм.
Прилагаю при сем заполненную анкету по установленной форме, а также копию *) свидетельства о полученном мною образовании, прошу зачислить меня в студенты Заочного литературного отделения ГАХН на цикл теории литературных форм.
Настоящим обязуюсь исполнять все учебные требования Академии, а также высматривать плату за обучение точно в назначенные сроки.
(подпись).
(имя, отчество).
Примечание. В том случае, если свидетельства об окончании 2-й ступени не имеется, следует писать: прошу о зачислении условно вплоть до выяснения ГАХН степени моей подготовленности.
*) Не требует печати заверений.
**) В случае, если подготовка учащегося требует дополнительных затрат, указывается об этом.

АНКЕТА
СТУДЕНТА, ПОСТУПАЮЩЕГО НА ЗАОЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК (цикл теории литературных форм).
(Не требует печати заверений).
1. Фамилия, имя, отчество
2. Место постоянного жительства:
Губерния
Уезд
Волость
Село _____ улица № дома
Город _____ улица № дома
3. Почтовый адрес
4. Год рождения
5. Профессия
6. Место службы:
а) адрес
б) должность
7. Член профсоюза №
8. Партийность
9. Законченное образование
10. Занимаетесь ли в кружке или в одиночку
11. Задаток в размере 5 руб. внаслух по квитанции №

ГАХН не ставит своей целью подготовку художников, однако, учитывая необходимость для понимания искусства иметь некоторые практические навыки, а также принимая во внимание, что на отделении изо-искусств будут работать и художники-самоучки — ГАХН объявляет на этом отделении практикум по рисунку и живописи [10, л. 4].

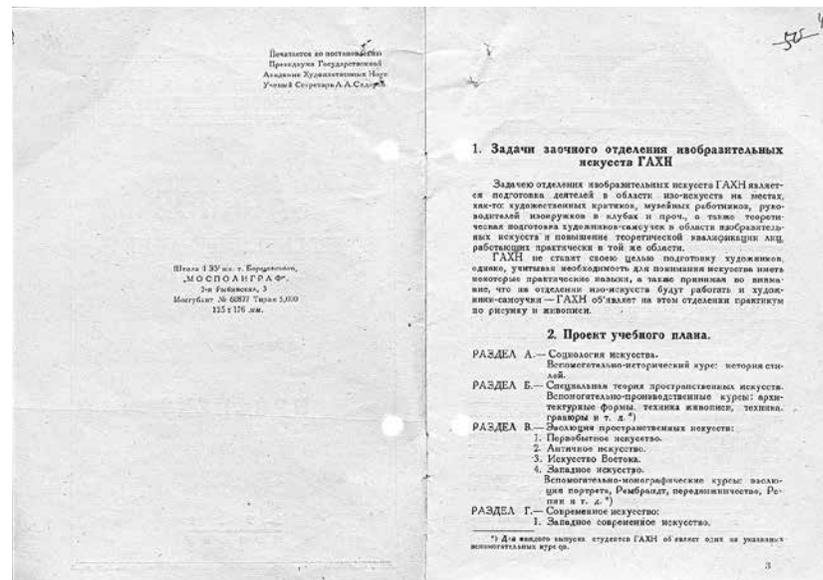
Противоречие содержалось и в декларируемых задачах практической подготовки: составители учебного плана признавали, что заочные курсы не смогут гарантировать студентам овладение техническими навыками на достаточно высоком уровне, и в то же время утверждали, что овладение этими навыками необходимо для освоения программы. Практикум по рисованию и живописи мог стать инструментом расширения аудитории курсов, так как в отличие от теоретических дисциплин он мог привлечь действительно широкий круг художественных специалистов и заинтересованных в искусстве непрофессионалов,

6–7. Заочное отделение изобразительных искусств. Проспект. М., 1929
РГАЛИ. Ф. 984. Оп. 1. Д. 6.
Л. 3, 3 об., 4

но одновременно он был и самым слабым элементом программы. Без сильной технической подготовки курсы не могли соответствовать уровню высшего художественного образования, а отдавая предпочтение теоретическому академическому искусствоведению, они становились непривлекательными для массовой формы обучения и потому нерентабельными.

К сожалению, компромиссный характер учебного плана не позволяет судить о том, как могла быть устроена образцовая программа заочных курсов с точки зрения разных сотрудников изофакультета. Однако известно, что Сидоров был недоволен именно академическим уклоном программы, а не ее практической частью. Он считал невозможным искусствоведческий анализ произведений без изучения подлинников и настаивал на усилении социологического подхода, не требующего обращения к оригиналам. Кроме того, он был заинтересован в организации востребованной властью массовой, неспециализированной

консультации, а потому должен был поддерживать использование программы для обучения непрофессиональных художников. Тем не менее очевидное превалирование искусствоведческих дисциплин в проспекте свидетельствует о том, что у позиции Сидорова нашлись оппоненты. Более того, предлагаемый Сидоровым проект просто не мог быть реализован силами консультантов ГАХН, ни один из которых не был ни профессиональным художником, ни специалистом в области художественной самодеятельности. Возможно, осознавая одновременно важность массового образования и отсутствие у ГАХН достаточных ресурсов для его полноценной организации, Сидоров не стал препятствовать открытию курсов, программу которых он признавал неудачной, и разногласия между сотрудниками не повлияли на работу отдела в середине 1920-х. Художественная консультация была слишком важным и перспективным проектом, а сомнения в методе были слишком незначительными, чтобы отказаться от этой идеи. Можно ли понять

Рембранда, и можно ли научиться у Рембрандта, не увидев вживую его картин? Сотрудники отделения, скорее всего, по-разному ответили бы на этот вопрос, но само существование заочных изокурсов было свидетельством осторожного согласия с тем, что приемы искусства не сводятся к «произволу художественной индивидуальности» [14, с. 208], а потому могут быть изучены, хотя бы отчасти формализованы и объяснены студентам при помощи учебных пособий.

Трудно сказать, какое количество заочников было подписано на курсы изобразительного отделения. Точно неизвестно и время начала его работы: скорее всего, консультации по некоторым из дисциплин стали проводиться с марта 1927 года¹¹. В 1929 году на первый курс было зачислено около 250 человек¹². Так или иначе, к моменту закрытия Отдела распространения художественных знаний ни один из студентов не успел освоить даже трети предметов, предусмотренных учебным планом изофакультета.

Не имея четкой публичной программы и опираясь только на исследовательский опыт, а не на организационную практику, консультация смешивала художников и ученых, практиков и теоретиков, профессионалов и самоучек, столичных художников и мастеров из провинции. Эта особенность делала курсы при ГАХН одновременно и оригинальным экспериментом в области художественной педагогики, и абсолютно нереалистичным проектом с точки зрения его реализации в русле массового просвещения.

«ПЕРЕСТРОИТЬ ПО ЛИНИИ САМОДЕЯТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА»

Прекращение деятельности Отдела распространения художественных знаний было одним из эпизодов расформирования ГАХН в 1929–1930 годах [21]. Прием на курсы был закрыт в январе 1930 года, но процесс

11 Проспект изобразительного факультета был опубликован в 1929 году — в тот же год, когда была выпущена программа литературного отделения. Набор на курсы по программе изобразительных искусств был открыт с октября 1929 года. Изобразительные курсы в одинаковой степени могли и начать работу раньше 1929 года, и не быть открыты вовсе: известно, что программа по изобразительному отделению была «принята в качестве тематической основы, требующей методической проработки» в марте 1927 года [9, л. 49], но о ее дальнейшей судьбе ничего не известно.

12 Посчитано приблизительно по сметам из дела о ликвидации Отдела [8, л. 68].

ликвидации Отдела занял около десяти месяцев и был завершен только в сентябре. Планировалось, что заочные факультеты будут переданы в ведение Секции литературы, искусства и языка (ЛИЯ) Коммунистической академии, однако последняя согласилась принять студентов только на литературные курсы, тогда как организация театрального, музыкального и изобразительного отделения была отнесена «к плану дальнейших работ» [8, л. 19] и никогда не была реализована. Впрочем, даже согласие Комакадемии принять литературные курсы отнюдь не означало их сохранения в первоизданном виде. Старые учебные программы не могли быть приняты даже при условии исключения из них реакционных методологий и усиления принципов марксистского литературоведения. Проблема заочных курсов ГАХН виделась их критикам куда более принципиальной:

Установка ГАХН в деле заочного обучения, кладущая в основу не изучение литературы и искусства как социального явления, как социального фактора, а стремящаяся обучить заочников владеть пером, искусством речи и т. п. — никак не может соответствовать линии деятельности Академии [8, л. 19].

Хотя критика явно преувеличивала роль практических дисциплин в работе курсов по теории литературной формы, сомнение в уместности междисциплинарного подхода было вполне оправданно. Обучение поэтов и писателей было очевидно несовместимо с функциями академии, но сам метод заочного образования считался допустимым, и в результате художественно-теоретические курсы ГАХН были поглощены заочными курсами марксистского литературоведения, существовавшими при Комакадемии с 1928 года [18, с. 223].

Положение заочных отделений по оставшимся трем направлениям было еще более уязвимым: найти институцию, готовую взять на себя «моральную и материальную ответственность» [8, л. 8] за курсы при ГАХН оказалось чрезвычайно сложно. После отказа Комакадемии от организации музыкальных и изокурсов¹³ соответствующие заочные

13 Фактически Комакадемия сразу же отказалась от курсов по всем направлениям кроме литературного, планируя привлечь к работе над ними сторонние организации, уже предлагавшие заочное обучение «по вопросам литературы и искусства»: 1-й МГУ, 2-й МГУ, Институт красной профессуры и Комитет повышения квалификации работников просвещения [8, л. 19].

искусства» является только началом, за которым следует типичная «искусствоведческая» программа, вся висящая в воздухе, пот[ому] что, естественно, «заочно» изучить, напр[имер], Рембрандта — просто невозможно [10, л. 9].

Признав программу непригодной даже для обучения искусствоведов, Сидоров поставил точку в споре, начавшемся вместе с открытием заочных изокурсов при ГАХН. Его позиция, не повлиявшая на судьбу курсов в 1927 году, в 1931-м не только стала решающей, но и отразила характерную тенденцию в отношении к заочному художественному образованию. Повторяя распространенное в Наркомпросе мнение, он добавил:

Вместе с тем заочное обучение по ИЗО в какой-то мере мыслимо. Возможно дать ряд советов местным деятелям на местах для их работы в изо-кружках. <...> Во всяком случае нужно неизбежно переделывать всю¹⁷ вводную часть программы. Может быть, ее всю надо будет перестроить по линии самодеятельного искусства... [10, л. 9].

***

Заочная консультация, созданная при ГАХН на фоне повышенного внимания к идеям массового просвещения, не могла быть полностью автономной — в реальности она не столько решала задачу обучения художественных работников, сколько позволяла академии участвовать в важных общественных проектах в условиях нарастающего идеологического давления. Курсы были компромиссом между амбициями академии и государственным заказом. Очевидно, что разработанная с оглядкой на актуальную партийную политику программа консультации тем не менее стала оригинальным экспериментом в области художественного образования. Унаследовав от секций академии междисциплинарность и синтетичность подхода, заочные курсы ориентировались на специалистов, способных совмещать исследовательскую работу с практикой искусства в рамках любой художественной профессии. В то же время перенести свойства научной дискуссии в поле массо-

вого образования оказалось непросто — создатели курсов столкнулись не только с проблемой практической реализации заочного обучения, но и с методическими и теоретическими разногласиями среди сотрудников разных отделений.

Хотя история курсов при ГАХН была достаточно короткой, сама форма заочной художественной консультации была успешно заимствована другими советскими учреждениями. Образование ученых было признано ответственностью научных институтов, тогда как неспециализированное заочное обучение, наиболее тесно связанное с программами академии, было адаптировано для воспитания художников-самоучек. Так, противоречивый проект ГАХН, ориентированный на подготовку универсальных научно-художественных работников, был продолжен в столь же неоднозначной образовательной инициативе — в курсах для полупрофессиональных, самодеятельных художников [1].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аляксина П. Массовое просвещение или профессиональное образование? Заочное обучение художников в культурной политике 1930-х годов // Искусствознание. 2024. № 4. С. 266–287.
2. Бюллетени ГАХН / Под ред. А. А. Сидорова. 1927. № 6–7.
3. Бюллетени ГАХН / Под ред. А. А. Сидорова. 1927–1928. № 8–9.
4. Государственная Академия художественных наук (Москва). Заочное литературное отделение. Проспект. М.: Мосполиграф, 1929.
5. Гусев А. Н. Почти забытое имя: Б. Н. Компанейский и его вклад в становление деятельностного подхода к изучению восприятия // Преемственность психологической науки в России: традиции и инновации. Сб. материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 215-летию Герценовского университета. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. С. 27–33.
6. Гусельцева М. С. Изучение художественного воспитания в Государственной академии художественных наук (по материалам протоколов заседаний 1925–1929 гг.) // Психологические исследования. 2011. Т. 4. № 4 (18). URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/832> (дата обращения: 03.10.2025).
7. Коган П. С. Государственная Академия художественных наук // Печать и революция. 1927. Кн. 7. С. 293–299.

17 Подчеркнуто в документе.

8. Материалы ликвидационной комиссии по ликвидации Отдела распространения художественных знаний (Протоколы № 1–10 заседаний ликвидационной комиссии отдела, ликвидационный баланс, ведомости и переписка с Главнаукой и РАНИОН о передаче отдела в ведение Комакадемии) // РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 19. Д. 2.

9. Материалы по организации заочного художественного образования (положение об отделе распространения художественных знаний, протоколы заседаний ученого совета ГАХН и секций, доклады и переписка). РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 19. Д. 1.

10. Проспект заочного отделения изобразительных искусств Государственной Академии Художественных Наук с сопроводительными письмами Отдела популяризации и пропаганды в секцию пространственных искусств о пересмотре этого проспекта и отзывы о нем Брюсовой Н. Я. и Сидорова А. А. РГАЛИ. Ф. 984. Оп. 1. Д. 6.

11. Проспект. Заочные литературные курсы: цикл теории литературных форм. М., 1929.

12. Самообразование в СССР / Под ред. А. Кравченко. М.: Долой неграмотность, 1926.

13. Самообразование за границей. Сб. статей / Под ред. и со вступ. ст. Н. Заровнядного. М.; Л.: Государственное издательство, 1926.

14. Сидоров А. А. Академия художественных наук // Наука и искусство. 1926. № 1. С. 208–212.

15. Сидоров А. А. Три года академии художественных наук // Искусство как язык — языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов. Т. II: Публикации. М.: НЛО, 2017. С. 18–97.

16. Фомина Н. Изучение творчества детей в ГАХН // Искусствознание. 1998. № 1. С. 303–309.

17. Фомина Н. Н. Художественное воспитание детей в культуре России первой половины XX в. Дис. ... докт. педаг. наук. М., 2002.

18. Хроника // Печать и революция. 1928. Кн. 3. С. 223.

19. Центральный дом народного творчества им. Н. К. Крупской. Курс заочного обучения музыке: Вып. 1–5. М.: Музгиз, 1930.

20. Якименко Ю. Академия художественных наук в контексте культурной политики (1921–1929 гг.). Дис. ... к. и. н. М., 2007.

21. Якименко Ю. Н. Из истории «чисток аппарата»: Академия художественных наук в 1929–1932 гг. // Новый исторический вестник. 2005. № 1 (12). С. 150–161.

22. Якименко Ю. Статья А. А. Сидорова о РАХН (1924). Предисловие публикатора // ГАХН. URL: <https://gachn.de/files/data/Jakimenko.Sidorov.o.RAKhN.pdf> (дата обращения: 03.10.2025).

23. Якименко Ю. Н. Роль Академии художественных наук в формировании новой картины мира // Язык вещей. Философия и гуманитарные науки в русско-немецких научных связях 1920-х годов. URL: <https://gachn.de/ru/якименко-ю-н-роль-академии-художестве/> (дата обращения: 03.10.2025).